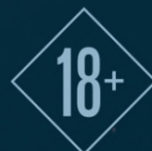

INSPIRIA

Джей Ти Эллисон

ДВОЙНАЯ ЛОЖЬ

INSPIRIA

Ток. Убийство по соседству. Романы Джей Ти Эллисон

Джей Ти Эллисон

Двойная ложь

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Эллисон Д.

Двойная ложь / Д. Эллисон — «Эксмо», 2017 — (Ток. Убийство по соседству. Романы Джей Ти Эллисон)

ISBN 978-5-04-228986-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ От автора бестселлеров New York Times «Превосходный триллер об идеальной супружеской паре, которая на самом деле крайне далека от идеала. В этой книге есть всё: убийство, ложь, предательство» – Мэри Кубица Для поклонников «Исчезнувшей» Гиллиан Флин. Их жизнь построена на лжи. Идеальный брак Саттон и Итана Монклеров на самом деле вовсе не так прекрасен. Казалось бы, великолепная пара: красивые, умные, богатые, два невероятно успешных писателя в роскошном особняке в Теннесси. Но за блестящим фасадом скрывается уродливая правда. Однажды Саттон исчезает, оставляя мужу записку: «Не ищи меня». Но разве можно этому повиноваться? Подруги напуганы и как будто уже в чем-то подозревают Итана: они знали, что он завидовал литературным успехам жены, видели синяки на теле Саттон. Да и день исчезновения подозрительный – годовщина смерти их ребенка. Полиция берется за расследование и замечает, что многие детали рассказов Итана и подруг пропавшей не совпадают и даже противоречат друг другу. В конце концов, у всех есть скелеты в шкафу... «Гениально... Лучшая работа Эллисон на данный момент» – Publishers Weekly «Превосходный триллер о казалось бы идеальной супружеской паре, которая на самом деле крайне далека от идеала. В этой книге есть все: убийство, ложь, предательство. Новая хитрая история Джей Ти Эллисон не отпускает до последней страницы» – Мэри Кубица, автор бестселлеров «Нью-Йорк таймс» «Фанаты Полы Хокинс, А.С.А Харрисон, Мэри Кубицы и Карин Слотер – не проходите мимо этой книги» – Library Journal «Потрясающе... Это та книга, которую невозможно отложить, ради такой не жалко и пропустить ужин, и не спать полночи» –

Ли Чайлд, автор бестселлеров «Нью-Йорк таймс» «Поджанр domestic-нуара сосредотачивается на поистине ужасных поступках, которые люди могут совершать по отношению к тем, кого любят, и книга Джей Ти Эллисон – один из лучших представителей этого поджанра... обязательно к прочтению» – Mystery Scene Magazine «Сравнения с “Исчезнувшей” ожидаемы из-за структуры первой части книги, но Эллисон создала историю куда лучше, и после прочтения эта история еще долго будет откликаться эхом в голове» – Associated Press

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-228986-6

© Эллисон Д., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Давайте познакомимся	8
Обнаружено тело	9
Иган	10
Пропажа	10
В любом браке есть трещины	17
Красавица и чудовище	19
Кое-что обнаружено	23
Нож в сердце	27
И их стало трое	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ти Джей Эллисон Двойная ложь

J. T. Ellison

LIE TO ME

Copyright с J. T. Ellison, 2017

© Рокачевская Н., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Джей Ти Эллисон – автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс» и «Ю-Эс-Эй тудей», написавшая более 30 романов, и соведущая литературной телепередачи «К слову о словах» (A Word on Words), которая была удостоена премии «Эмми». Она также пишет городское фэнтези под псевдонимом Джосс Уокер. Тиражи ее книг насчитывают миллионы экземпляров, а ее работы получили похвалы критиков и престижные награды. Книги Джей Ти были выпущены в 28 странах, некоторые ее работы были выбраны для экранизации. Джей Ти с мужем и котятами-близнецами живет в Нэшвилле и сейчас трудится над новым романом.

* * *

*Посвящается Эми, которая верила,
и, как всегда, Рэнди*

Давайте познакомимся

Я вам не понравлюсь. Ну, может быть, в минуты слабости вы меня пожалеете, и прозорливость вместе с теплым чувством сострадания позволят оправдать мои поступки. Вы скажете себе: *«Бедняжка. Она ничего не могла с собой поделать»*. Или: *«Разве можно ее винить? После всего, через что она прошла?»* Вероятно, вы даже подумаете: *«Она же не виновата, просто такой родилась»*.

Конечно виновата. Я сама выбрала этот путь. Да, мне казалось, что другого выхода не было, что меня к этому подтолкнули, и голоса в голове склоняли шагнуть в темноту.

Но тем не менее я знаю, что хорошо, а что – плохо. Я в состоянии отличить добро от зла. Да, мне пришлось разрушить чью-то жизнь. Но я могла отойти в сторону, если бы захотела.

Ведь могла же?

Но это неважно.

Конечно, в глубине души вы будете меня презирать. Я гниль, поселившаяся в половицах вашего дома. Я паук, который убегает, когда вы светите фонарем в угол, и всегда наблюдает, всегда ждет. Я осколок стекла, режущий вашу босую ногу. Я все плохое, что с вами случается.

Я краду.

И убиваю.

Я оставляю за собой шлейф разрушений, который невозможно не заметить. Ненависть волна за волной будет захлестывать вас, пока вы не опуститесь на дно моего маленького жалкого океана, а когда утонете, я буду питаться вашей плотью и превращу кости в пыль.

Теперь вы в моей власти. И совершенно беззащитны. Так что не пытайтесь сопротивляться.

Надеюсь, представление вам понравится.

Обнаружено тело

Тело лежало в пролеске, на обочине извилистой дороги, ведущей в оживленный исторический центр города. Оно было хорошо скрыто от глаз: спрятано под сосновыми ветками и толстым слоем природного мусора. Синтетическая одежда так сильно прилипла к коже, что с первого взгляда трудно определить расу или пол погибшего. При ближайшем рассмотрении можно было увидеть длинные волосы странного оттенка: не то светло-русые, не то рыжие, возможно, крашенные. На левой руке нашли кольца, обручальное и помолвочное, и в конце концов тело определили как женское.

Покров из веток и наносов не остановил разложения. Личинки и мухи, которых становилось все больше, с удовольствием лакомились найденным угощением; двукрылые и жесткокрылые насекомые появились уже через три дня – они уверенно прокладывали путь для грядущей колонии синих мясных мух. Насекомых, похоже, не тревожило, что тело обожжено до неузнаваемости: для них это было что-то вроде барбекю.

Ничто, кроме естественных процессов, не тревожило тело. Над ним неторопливо кружили хищные птицы. Менее чем в пятидесяти ярдах проезжали машины, и водители не подозревали, что рядом гниет человек.

Три дня спустя сильная гроза смела несколько «погребальных» ветвей, обнажив труп, и сквозь полог листьев его побил град. От ливней земля раскисла, тело погрузилось в грязь и перевернулось на бок.

Четыре дня спустя труп растерзал голодный койот: сорок два бритвенно-острых зуба с легкостью раскромсали мягкую плоть.

Пять дней спустя тело распалось на части; огонь, тепло, влага, насекомые, койот и естественные природные процессы быстро расправлялись с ним, не думая о чувствах близких покойной. Люди редко могут вынести мысли о происходящем с трупом.

Шесть дней спустя ее нашли.

Итан

*Хаос – это название для любого порядка, порождающего путаницу
в умах.
Джордж Сантаяна*

Пропажа

Франклин, Теннесси

Сейчас

Итан нашел записку во вторник, через десять минут после того, как слез с кровати. И в этот день все изменилось. Он спустился на первый этаж, зевая и почесывая грудь, и... было пусто. Никаких следов жены.

Саттон всегда начинала день за кухонным столом, с тарелкой хлопьев, фруктами и чашкой чая. Она читала газету, насмехаясь над многочисленными опечатками – газета еле выживала, у нее имелись проблемы и посерьезнее, чем плата за приличную редактуру. На столе обычно были тарелка с хлопьями, стакан молока и ложка для Итана, а у стула аккуратно лежала открытая на спортивном разделе газета. Так было всегда. Всегда.

Но этим утром он не увидел на кухне никаких признаков того, что Саттон там побывала. Ни газеты, ни тарелки. Ни самой жены.

Итан позвал ее. Но ответа не получил. Он поискал в доме. Ее сумка обнаружилась в кабинете вместе с мобильным телефоном и ноутбуком. Права лежали в бумажнике, все кредитки на месте, а за ними – свернутая пополам двадцатка.

Наверное, она отправилась на пробежку.

От этой мысли Итан ощутил искорку радости. Когда-то Саттон была помешана на здоровье. Она каждый день бегала, ходила пешком или занималась йогой – любые физические нагрузки, чтобы двигаться и поддерживать себя в форме. А какая у нее была форма! Когда они познакомились, Саттон была просто сногшибательной, стройной, с крепкими ногами, тонкими лодыжками и тугими, как у породистой лошади, мускулами. Она вылепила свое тело как скульптор, чтобы соответствовать Итану.

Итану Монклеру не нужна была диванная собачка вместо жены, ни за что. Ему требовалась женщина, потрясающе выглядящая в маленьком черном платье, та, с кем он мог ходить на коктейльные вечеринки. И она должна не только отлично выглядеть, но и быть прекрасной собеседницей. Ему требовался партнер на всех уровнях – физическом и интеллектуальном. Он сам был весьма привлекательным, женщины всегда окружали его вниманием, поэтому ему хотелось не только сногшибательную, но и умную жену. И Саттон идеально соответствовала этому образу.

Он знал, что они отлично смотрятся вместе: красивые, умные, успешные – такими они были.

После рождения Дэшила жена вернулась в форму со скоростью скаковой лошади, хотя позже, когда их мир рухнул, стала уставшей и отекающей от лекарств и депрессии, и больше не стремилась к красоте и подтянутости.

И если она снова начала бегать, это внушало надежду. Еще какую.

В приподнятом настроении Итан вернулся на солнечную кухню и сам положил себе хлопья в тарелку. Насвистывая, заварил чай и пошел за стевией¹ – никакого сахара для Монклеров, они заботятся о здоровье.

И тут Итан увидел *его*. Маленький. Белый. В линейку. Листок, вырванный из блокнота на пружине. Саттон любила такие за гладкую и приятную бумагу.

И это... так не соответствовало атмосфере безупречной кухни. Прежде всего Саттон была патологической перфекционисткой. Она никогда бы не оставила что-то вот так валяться.

Вся его радость растворилась. Итан тут же все понял. Она не на пробежке.

Он взял записку.

Дорогой Итан!

Неприятно так с тобой поступать, но мне нужно некоторое время побыть без тебя. Я была несчастна, ты сам знаешь. Для тебя это не должно стать сюрпризом. Прости за то, что я такая трусиха. И за все остальное прости.

Не ищи меня.

С.

Она ушла.

В груди защемило, и тогда Итан понял – у него только что разбилось сердце. Он всегда считал это выражение дурацким, но теперь понял его смысл. Такое и правда бывает. И это происходило с ним. Его словно разрывало надвое, разрывало в клочья. Неудивительно, что таинство брака от этого предостерегает: «*Что Бог сочетал, того человек да не разлучает*».

А теперь Бог в наказание разрывал его на части, и поделом. Итан все это заслужил.

Он не расплакался. В нем не осталось слез.

Итан осторожно положил записку, словно бомбу, способную взорваться от легкого прикосновения. Затем пошел в спальню. Там вроде все оказалось на месте. Ее щетка для волос, косметичка, зубная щетка аккуратно лежали на мраморе. Чемодан стоял в шкафу.

Итан снова спустился в кабинет Саттон, который располагался в глубине дома. Проверил все еще раз.

Ее ноутбук на столе.

Мобильный телефон на зарядке.

Сумочка на полу рядом с креслом. Бумажник внутри. С фотографии на правах смотрело улыбающееся лицо настоящей фотомодели.

Итан вернулся на кухню, словно зомби. Открыл холодильник и достал молоко. Насыпал хлопья в тарелку. Положил стевию в чай. Сел за пустой стол и уставился на то место, где должна была сидеть жена.

Что теперь делать? Где она может быть? Итан перебирал возможные варианты, ее любимые места, отвергая одно за другим. Конечно, он ошибается. Наверняка она просто сбежала к кому-нибудь из друзей. Именно туда она и отправилась. Может, стоит дать ей немного времени, как она просила?

Она ушла без вещей, Итан. Вся жизнь Саттон заключена в ноутбуке и телефоне. Это ее офис, ее мир.

И тут что-то щелкнуло. Саттон еще не до конца преодолела депрессию. У нее по-прежнему бывали приступы меланхолии. Она могла совершить какую-нибудь глупость. Однажды она уже пыталась, после того как... О Господи... Ее слова. Возможно, она сама все сказала.

«Я трусиха. Прости. Не ищи меня».

¹ Стевия – сладкий заменитель сахара.

Он швырнул тарелку с хлопьями в стену.

– Твою мать! Ах ты, эгоистичная, бессердечная сука!

Она ушла?

«*Не шци меня*».

Последние слова Саттон, обращенные к нему.

И он не стал. По крайней мере, пока. Он сел и начал размышлять. А потом перерыл все ее вещи в поисках хоть какого-нибудь намека на ответ.

Ничего. Она как будто вышла в душ и перенеслась сквозь воду в другой мир.

Итан впал в глубокое, яростное отрицание. С ней все хорошо, твердил он себе. Ей просто надо передохнуть. И эти уговоры сработали. Мрачные мысли пропали. Но в глубине души он понимал, что Саттон никогда не поступила бы так эгоистично.

Он дал ей три часа на возвращение, три долгих и пронизывающе тихих часа, а потом, когда его начала снедать мысль, что Саттон попала в беду, сел за телефон. А как же иначе? Он же совсем не такая скотина, как многие считают. Таков удел успешных людей – остальные автоматом записывают его в говнюки, потому что он мужчина, не любит давать интервью, держит дистанцию, не выставляет себя напоказ в соцсетях и сосредоточен на работе. Хотя, может, они и правы.

Итан позвонил ее подругам, немногочисленным, но действительно близким.

Рейчел ее не видела и говорила резко, потому что уже опаздывала на работу. Нехарактерно для нее – она преподавала йогу и была самой спокойной и дружелюбной из всех подруг Саттон.

Эллен, заведующая библиотекой в университете Вандербильта, не отвечала на звонки, и он оставил безобидное сообщение: «Привет, перезвони».

Филли (на самом деле Филлис, но она терпеть не могла, когда ее так называли) ответила по стационарному телефону после первого гудка, несомненно, полагая, что это Саттон. Даже услышав голос Итана, она поприветствовала его бодро и радостно. Когда Итан спросил, не видела ли она Саттон, Филли искренне встревожилась, но заявила, что они не разговаривали несколько дней, потому что Саттон была очень занята. Он ничего не мог с собой поделать, ее тревога и желание помочь звучали настолько искренне, что он сразу же заподозрил – она что-то знает. Но когда он надавил, Филли заверила, что Саттон, вероятно, просто вышла на пробежку, и попросила перезвонить, когда та объявится, а затем отключилась с неубедительной отговоркой, что заплакал ребенок. В общем, Филли только разбередила рану.

Айви уехала из города по делам, иначе Итан позвонил бы ей первой. Девушка дружила с ними обоими. Она была самой близкой подругой Саттон, буквально частью их жизни. Причем уже три года. Итан взглянул на часы, немного поколебался и отправил сообщение. Как биржевой брокер, она всегда держала телефон под рукой. Она перезвонит, как только сможет, как всегда.

Итан сел за стол, опустив голову на руки, и тут же подскочил от телефонного звонка. Не посмотрев, кто звонит, он выдохнул:

– Саттон?

– Это Шивон. Что стряслось?

Чтоб тебя! Кого ему точно не хотелось в это впутывать, так это тещу. Шивон и Саттон не были близки, мягко говоря, и Саттон разъярится, если узнает, что он обсуждал ее с матерью.

Надо от нее избавиться.

– Доброе утро, Шивон. Как дела?

– Что-то случилось с Саттон?

– Нет-нет. Все в порядке.

– Дай догадаюсь. Она убежала из дома и не отвечает на звонки.

– Что-то вроде того. А с тобой она не разговаривала?

– Я не виделась с ней и не разговаривала уже несколько недель. Кстати, спасибо за круиз. На Адриатике было потрясающе. Ты должен ее туда свозить как-нибудь.

Итана внезапно обуяло непреодолимое желание признаться, выдернуть эту женщину, увлеченную только собой, из привычной среды, и слова полились потоком.

– Она ушла, Шивон. Оставила записку и ушла от меня. Я за нее беспокоюсь. Она не взяла вещи – ни телефон, ни компьютер, ни бумажник.

Как будто это все объясняло.

И вообще-то объясняло, по крайней мере теща отреагировала.

– Я уже еду, – сказала она и отсоединилась.

Вот дерьмо! Не хватало только, чтобы по дому, заглядывая во все углы, раскапывая пыль и секреты, бродила Шивон в поисках ответов.

Какой же ты дурак, Итан. Зачем ты вообще ей сказал? Неужели ты в таком отчаянии?

Он налил себе новую чашку чая и огляделся. К черту уборку. Да, чистота не идеальная. Ну и плевать. Шивон все равно найдет какой-нибудь изъян. Они могут все вылизать сверху донизу, подготовить дом к съемке в журнале «Архитектурный дайджест», а Шивон найдет пятнышко на столешнице или захочет переставить вазу.

Шивон Хили («Ши-во-о-он», – громко и с удовольствием сообщала она непосвященным) гордилась тем, что она особенная. Ее друзья и кое-кто из врагов, включая Саттон, называли ее коротко – Шив. Она была полной противоположностью Саттон во всем. Невысокая и смуглая ирландка, волосы цвета черного дерева, подернутые сединой, кобальтово-синие глаза и злое лицо, туго обтянутое кожей. Дерзкая и общительная, Шивон обожала привлекать внимание, пусть даже неодобрительное. Ее речь не отличалась изысканностью, хотя говорила она без акцента. Шивон утверждала, что родилась в дублинских трущобах, и всегда была готова поделиться историей своего пути из грязи в князи.

Она приехала в Соединенные Штаты и несколько раз выходила замуж; каждый последующий муж оказывался богаче предыдущего. Ее нынешний, четвертый по счету, кроткий мужчина по имени Алан, любил плоские шутки, когда слишком много выпьет: «Эй, давай вместе займемся бизнесом, назовем нашу компанию... “Итан Алан”². Ха-ха-ха, ну ты понял?»

Итан толком не понимал, как эта женщина умудрилась родить такую дочь, и часто интересовался их богатым прошлым, но и Шивон и Саттон отказывались говорить об этом или о случайном любовнике, ставшем донором спермы для зачатия. По словам Саттон, он не был мужем Шивон, а потому так и остался безымянным. Его никогда не было рядом, и Саттон никогда с ним не встречалась.

Итану это казалось ужасно печальным. Его родители были добрыми, щедрыми людьми, хотя он плохо понимал их, как и они его. Теперь их обоих не стало. Они умерли тихо и незаметно с разницей в четыре месяца, когда ему было двадцать два. Он был расстроен, но не опустошен. Родители очень рано отправили его в школу-пансион Маунт-Сент-Мэри, и он видел их только на каникулах. Итан всегда любил читать; именно школа сформировала его личность, самоуверенную и творческую. У него было хорошее детство, но для себя ему хотелось чего-то другого. Он всегда мечтал о дружной и энергичной семье: бегающие на заднем дворе дети, шумно играющие собаки, сногшибательная и безумно влюбленная жена. Безопасность и стабильность.

Американская мечта. В конце концов, именно поэтому он и приехал в Америку.

Безопасность и стабильность. Он пытался, боже, еще как пытался.

Звякнул телефон – пришло сообщение от Айви.

² Итан Аллен – герой Американской революции. Кроме того, существует компания «Итан Аллен», которая производит и продает товары для дома.

«Я ее не видела и не разговаривала с ней, с тех пор как уехала. Мы болтали в четверг, и все вроде было в порядке. Мне надо вернуться? Тебе нужна помощь?»

Айви всегда готова была прийти на помощь и очень облегчала им жизнь.

«Нет, уверен, она ушла только для того, чтобы сделать нам больно», – написал в ответ Итан.

Айви послала эмодзи, которое он расшифровал как закатывание глаз. Итан не разбирался в эмодзи. И в текстовых аббревиатурах. ЛОЛ. КМК. Господи, когда вдруг стало так сложно писать нормальными словами?

Нетерпеливо затрещал дверной звонок, как будто на него много раз давили толстым пальцем – конечно, так оно и было. Итан открыл дверь теще, и та вплыла внутрь, как королева, а потом повернулась к нему.

– И чем ты на этот раз так расстроил мою дочь?

Крашенные черные волосы она засунула под выцветшую бейсболку; выглядела она неопрятно и пахла перегаром. Видимо, они с муженьком накануне вечером крепко приложились к бутылке. Они любили проводить вечеринки и тусовки в загородном клубе с другими пьянчужками, любили хорошо поесть, выпить отличного вина и посетовать на судьбу. Милая парочка.

– Я не делал ничего плохого. Проснулся утром, а ее нет. Она оставила записку.

– Покажи.

Проглотив слова, которыми хотелось ответить, Итан повел тещу на кухню и отдал ей листок. Шевеля губами, она прочитала записку трижды, а он не переставал удивляться, каким образом эта примитивная и грубая женщина произвела на свет титана – его жену.

Хотя, когда у Саттон бывали плохие времена и срывы, он видел в ней частичку Шивон. Женщина положила записку и скрестила руки на груди:

– И куда, по-твоему, она пошла?

Ее тон был на удивление бесстрастным, лишенным привычной агрессии в сторону Итана.

Он покачал головой:

– Я надеялся, что тебе придет что-нибудь в голову. Я уже обзвонил ее подруг. Они сказали, что не разговаривали с ней.

– Ты рассказал им о записке?

– Упомянул в разговоре с Филли и Айви. У меня возникло ощущение, что Филли что-то знает, но не хочет говорить.

Шивон махнула рукой:

– Филли обожает драмы и надеется, что от Саттон что-то интересное перепадет и ей. Грустная женщина, живет только другими. Она ничего не знает, иначе уже радостно примчалась бы.

Шивон покрутила уголок записки и села за стол.

– После того, что случилось с ребенком, Саттон была в плохом состоянии, – сказал Итан почти через силу, не желая открывать эту дверь.

Но ему требовалась помощь тещи, будь она проклята.

Шивон кивнула на удивление серьезно.

– Разве можно ее в этом винить?

– Конечно нет. Но я не терял надежды... Шивон, я должен знать что-то еще? Она сказала тебе, что хочет от меня уйти? Мне не показалось, что ты сильно удивлена.

Она шумно выдохнула, и в воздухе запахло сухим мартини.

– Присядь.

Итан не привык выполнять приказы в собственном доме, тем более когда их отдает женщина, от которой он не в восторге, но уселся на табурет и сложил руки на коленях. Шивон какое-то время молча его изучала.

– Несколько месяцев назад, когда мы разговаривали в последний раз, Саттон призналась, что несчастна. Совсем на нее не похоже – вот так со мной откровенничать. Сам знаешь, наши взгляды не всегда совпадают.

– Если ты хочешь сказать, что предложила ей меня бросить после того, как Дэшил... я в курсе. Она сама мне рассказала.

– Ты винишь меня, Итан? – И снова этот необычный бесстрастный тон. Как будто они не враги, а близкие друзья. – Ты плохо с ней обращался. И все делал не так. Она была в ужасном состоянии, а ты был слишком занят своей маленькой интрижкой, чтобы это заметить.

Маленькая интрижка. У него засосало под ложечкой. Никто не должен знать правду. Это разрушит их жизнь, в особенности жизнь Саттон.

– Я совершил ошибку. Но все исправил, извинился. Мы наладили отношения. Мы разговаривали... Разговаривали о переезде подальше от дурных воспоминаний. Чтобы начать все сначала.

– Переезде? Куда?

– Обратно в Лондон.

– Понятно. И Саттон нравилась эта идея?

– Мы еще не приняли определенного решения. Просто обсуждали это. Планировали. Будущее... Черт, Шивон, она хотя бы снова со мной разговаривала! Ты понятия не имеешь, каково было в прошлом году нам обоим. Настоящая пытка. О да, мы старались держать марку. Но как только люди разошлись и дверь за ними закрылась, как только закончились похороны и соседи перестали ходить вокруг нас на цыпочках, нам пришлось в одиночку выбираться из этой ямы. Это был ад.

– Могу себе представить, – сказала она таким тоном, как будто ей не все равно.

Но Итан знал, что ей плевать. Ее интересуют только деньги. У Шивон и Саттон были странные, извращенные отношения: они больше напоминали презирающих друг друга подружек, чем мать и дочь. Но, несмотря на все советы Итана, Саттон отказывалась полностью разорвать отношения с матерью. Итан никогда не мог этого понять.

– Мне все равно, что Саттон тебе сказала. В последнее время она была на взводе, постоянно секретничала. С ней определенно что-то происходило. Ты знаешь, что она задумала?

Шивон внезапно вдруг стала старой и посеревшей.

– Нет. Но такую записку не напишет человек, отправившийся заниматься благотворительностью. Почему бы тебе не позвонить в полицию? Если тебе нечего скрывать...

– Дай перевести дух, Шивон. Я ничем ее не обидел. И пропавшей ее пока нельзя считать. Она ведь оставила записку. А кроме того, заявление о пропавших взрослых людях все равно принимают только через трое суток.

– Откуда ты знаешь, если не говорил с полицейскими?

– Узнавать нужную информацию – моя работа, Шивон.

– Ну да, для твоих книг.

Ох уж это презрение в голосе. Итан старался держать себя в руках, чтобы не вцепиться в горло тещи своими крупными руками. Шивон никогда не принимала творческую жилку, которая отличала его и Саттон. По словам жены, Шивон хотела, чтобы единственная дочь вышла замуж за богача, и тот будет оплачивать ей теннис в клубе и роскошные вечеринки в саду. Его характер – дело десятое. Что значат пара фингалов или сломанных ребер по сравнению с бесконечным потоком денег и комфортом?

Они никогда не говорили Шивон, сколько зарабатывает Итан на своих романах. Это ее не касалось.

Повисла напряженная пауза. Наконец Шивон встала.

– Я уверена, что она просто сбежала. Она всегда любила драматизировать, когда расстроена.

– А если бы не любила?

– Ты встревожен. Я понимаю. Ты попросил моего совета, так вот он: Саттон была несчастна и, возможно, не хочет, чтобы ее нашли. Но если такой ответ тебя не устраивает, позвони в полицию. Пусть она ее ищет.

– Ты, похоже, не особо расстроена тем, что твоя дочь пропала. Или что она может пострадать.

– Просто я не считаю, что она пропала. Я думаю, что она наконец-то от тебя ушла. Это надо было сделать давным-давно.

– Большое спасибо, Шивон.

– Всегда пожалуйста. Как насчет моего чека? Сегодня как раз срок. Если Саттон здесь нет, может, ты этим займешься?

Ну вот. Плевать ей на Саттон, нужны только деньги, которые она из них выкачивает. Вот почему Шивон сначала позвонила, а потом приехала. Не для того, чтобы помочь, а чтобы забрать свою мзду.

Саттон упрямо настаивала на том, чтобы платить матери раз в квартал. Это служило камнем преткновения между ними с Итаном – загребущие лапы Шивон выводили его из себя.

– Ты что, шутишь?

– Вечером я уезжаю из города. Мы едем в Канаду. И до этого мне хотелось бы положить деньги на счет. Кто знает, когда теперь объявится Саттон.

– Какая же ты бессердечная, Шивон.

– Ты даже не представляешь насколько.

Итан сходил в кабинет за чековой книжкой. Выписал чек, поставил дату и быстро вернулся на кухню.

– Вот.

Вот бы приправить чек крысиным ядом и смотреть, как ты сдохнешь, мерзкая сука.

– Спасибо. Сообщи, если она появится, ладно?

– С какой стати? Ты ясно дала понять, что тебе плевать на Саттон и на меня. Тебе нужны только твои любимые деньги.

– Мне совсем не плевать, Итан. Но ты ее муж. Делай то, что считаешь нужным.

– Сделаю, уж поверь.

Уже закрывая дверь, она обернулась.

– После стольких лет брака ты до сих пор не знаешь мою дочь, Итан.

В любом браке есть трещины

Итан закрыл за Шивон дверь, гордясь тем, что не захлопнул ее. Затем прошел в свой кабинет и налил половину хрустального стакана виски. В углу стояла зеркальная барная тележка в духе Фицджеральда, Итан всегда ее любил.

А теперь та напоминала о его проблемах. Итан слишком много пил в последний год. Конечно, по вполне понятным причинам, но таким способом он отгораживался от Саттон.

В такое время еще рано напиваться, Итан прекрасно это понимал, но все равно выпил первую порцию шотландского виски и налил вторую. Если это годилось для Фицджеральда и Хемингуэя, то и для него годится.

Он сидел за столом и смотрел на фотографию, втиснутую в уголок между поникшим хлорофитумом и телефоном. Итану никогда не хватало духу убрать ее. Фотография ему нравилась. На ней они были счастливы. Улыбались. С обгоревшими носами стояли на пляже, на сыне дурацкая панамка, а великолепные рыжие локоны Саттон развевал ветерок. Улыбки до ушей, объятия и оптимизм. Их жизнь, запечатленная на бумаге, мгновение, которое уже никогда не удастся воссоздать.

Итан протянул руку и коснулся посеребренной рамки, но тут же отдернул пальцы, словно обжегся.

Ему казалось, что рождение ребенка все исправит.

Идиотизм. За мысль о том, что ребенок снова сделает жизнь идеальной, надо отправлять в тюрьму. Но в тот момент он не подумал об этом. Им двигали эмоции.

Да, именно так. Эмоции завели его в тупик. Предполагается, что мужчины не должны испытывать таких сильных чувств. Это все творец, живущий внутри него. Итан многого хотел от жизни – карьеру писателя, любящую жену, свой дом. Наследник – просто естественная часть этой жизни, не нуждающаяся в объяснениях.

Ребенок. Итан не думал, что это так чудовищно сложно. Саттон – женщина. Все женщины хотят детей, верно? Она сказала, что не хочет, что ее жизнь и так идеальна, ведь как они будут писать, когда под ногами путается малыш, но Итан не раз видел, как она со страстным желанием смотрит на женщин с колясками, и ожидал, что она вот-вот намекнет: время пришло. И она говорила Айви, что любит детей; однажды он услышал, как они сплетничали на кухне за чаем.

Но она так и не намекнула, и каждый раз, когда он касался этой темы, говорила «нет».

Может, с его стороны это было эгоистично, неправильно. Но Итан хотел ребенка. Хотел изменить отношения между ними. Хотел, чтобы Саттон снова смотрела на него с ожиданием чуда в глазах. Потому что без тени сомнения знал, что Саттон когда-то его любила.

Вот только толком не знал, когда перестала любить.

Итан отряхнулся, как мокрая собака, и образы некогда счастливой жизни упали на пол. Не зная, что делать дальше, он встал и прошелся по дому. Переходил из комнаты в комнату, вспоминая все, что когда-то было, и представляя тень жены во всех привычных местах: на диване – ее ступни, поджатые под бедра, как у кошки; в кабинете – ее голова, склоненная над клавиатурой таким странным образом, что подбородок выглядит заостренным, как у эльфа; в спальне, где она раскинулась и готова к тому, что он войдет в нее и доведет до крика.

У них всегда была восхитительная жизнь. Благодаря Саттон Итан чувствовал себя сексуальным, остроумным и привлекательным. Каждое написанное им слово предназначалось для того, чтобы произвести впечатление на Саттон; все, что он делал, имело намек на хвастовство. «Посмотри на меня, жена. Посмотри, что я для тебя значу».

Ради нее Итан старался сильнее, чем для кого бы то ни было. Ее улыбка и смех делали его счастливым до глубины души.

Он не знал, когда все пошло наперекосяк. Не знал, когда она перестала его любить, когда ей перестал нравиться их брак. Но это произошло задолго до Дэшила. Может, когда они делали ремонт в этой громадине? Разве не ремонт – основная причина разводов вместе с изменами и «Фейсбуком»?³ Кажется, Итан где-то об этом читал.

Или когда у него иссякли слова для Саттон и он совсем перестал работать? Еще до того, как он впал в отчаяние. До того, как совершил самую большую в жизни ошибку.

Нет, наверное, это произошло еще раньше, и его прежде нежная и сексуальная жена стала холодной. Фригидной. Отстраненной.

Они стали редко смеяться вместе. Саттон смотрела на него со смесью насмешки и недоумения, как будто однажды утром проснулась и обнаружила, что замужем за незнакомцем.

Однажды очень пьяной ночью Итан спросил ее, почему она его разлюбила. Саттон резко засмеялась.

– Я люблю тебя сильнее, чем в день нашей встречи. В том-то и проблема.

Больше она ничего не добавила.

И вот к чему все пришло через пять лет. Мертвый ребенок, разбившийся о скалы брак и нагромождение ошибок, как стопка старых газет у двери.

Это он виноват в смерти Дэшила. В безумии Саттон. В том, что она пропустила срок сдачи книги, в отмене контракта. В глубине души Итан знал это, прекрасно знал.

Он совершил столько ошибок, что уже ничего не исправить.

Осталась лишь одна проблема.

Он любил Саттон больше жизни. Итан никогда не любил так ни одну женщину. Он на все был готов ради нее. Абсолютно на все.

Предстояло понять, то ли Саттон решила скрыться на несколько дней, то ли уехала навсегда. Проблема заключалась в том, что, если она не объявится к вечеру, придется привлечь для поисков полицию, в противном случае он попадет под подозрение, а дальнейшее расследование разрушит их тщательно налаженную жизнь, и кто знает, какие тараканы выскочат на поверхность.

Если она решила на несколько дней скрыться, все в порядке. Если она на самом деле сбежала, Итан должен пойти по следу. Потому что необходимо тщательное планирование, чтобы исчезнуть навсегда.

В любом случае Саттон весьма умна. Он должен влезть в ее шкуру и снова найти к ней дорогу.

И тут его осенило.

Банковский счет. Он не проверил банковский счет.

³ Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta, деятельность которой признана в Российской Федерации экстремистской.

Красавица и чудовище

Тогда

Агент Итана ткнул его в бок.

– На тебя смотрит женщина с того конца зала.

Итан огляделся и не увидел никого примечательного. Но, с другой стороны, он уже порядочно набрался – выпил несколько коктейлей и планировал еще столько же, прежде чем отключиться в мягкой широкой кровати наверху. Ему нравились номера в этом отеле: чистые, просторные и приятные, совсем не угрожающие, в отличие от некоторых агрессивных современных заведений, куда его селил издатель, считая задранную цену оправданной, лишь бы их курица, несущая золотые яйца, была довольна.

Этим вечером Итану хотелось лишь выпить и хорошо выспаться. В Нэшвилл он возвращался только завтра днем. Успеет выспаться, заказать еду в номер, принять долгий горячий душ и взять машину до аэропорта, имея в запасе достаточно времени. В его расписании больше ничего не значилось, и он был этому рад. Неделя в Нью-Йорке его почти доконала. Завтраки, обеды и ужины, несколько женщин, разделивших с ним мягкую широкую кровать, бесконечные разговоры, аплодисменты и рекламные встречи.

Ему требовалась передышка от такой жизни.

«Ты сам этого хотел, придурок. Будьте осторожнее в своих желаниях».

– Итан! Ты меня слышишь? Та девица буквально вся слюной от тебя исходит.

– У меня нет времени на новых женщин, сам знаешь.

Билл весело рассмеялся и похлопал Итана по руке. Иногда он задумывался, не пытается ли Билл его умаслить, проявляя заботу, ведь Монклер приносил очень много денег.

Он считал Билла другом – а тот знал о нем почти все. Но иногда Итан задумывался, что именно он сделал Билла богатым. Очень, очень богатым. Не исключено, что этот человек ненавидит его, ему просто нужен дом в Хэмптоне, который он вскоре сможет купить на свои пятнадцать процентов.

Билл покосился на него:

– Если тебе это неинтересно, может, бросишь кость старому псу?

– Ты женат.

– Я женат, но еще не умер. Могу же я хоть посмотреть? И дайте симпатичную, пожалуйста. У ее платья такой глубокий вырез, мне даже не придется вставать на цыпочки, чтобы заглянуть.

Итан посмотрел на него с высоты своего роста и передернул плечами.

– Ну ладно. Возьму еще пива, и прогуляемся, чтобы ты мог поглазеть на девицу.

К бару стояли две очереди, двигались они быстро. «Может, стоит взять виски вместо пива?» Итан начал разглядывать выстроенные за спинами барменов бутылки и увидел «Макаллан» восемнадцатилетней выдержки. Отлично. Годится.

Он почувствовал, что кто-то коснулся его руки. Повернул голову направо. Рядом стояла женщина. Не та, что была на другом конце зала. Высокая, с длинными светло-рыжими волосами, собранными в хвост. Она не просто дотронулась до него, чтобы привлечь внимание, а как будто приласкала. Странное прикосновение, безумно эротичное, и все остальное в то же мгновение перестало существовать.

Была ли она пьяна? Она не выглядела пьяной. Она выглядела... голодной. И не в смысле «пригласите меня на ужин».

Итан улыбнулся ей:

– Между прочим, у меня есть и вторая рука.

Она отдернула ладонь, будто обожглась. А лицо покраснело. На носу у нее были веснушки. А кожа совершенно чистая, без косметики. Да она и не нуждалась в косметике. Но чтобы не носить маску? В таком-то кавардаке? Любопытно.

– Могу я чем-нибудь вам помочь? – спросил Итан.

Она собралась уходить, но по-прежнему не сводила с него глаз.

– Подождите.

Что ты делаешь, идиот? Какая-то безумная деваха, очередная фанатка. Пусть идет, придерживайся плана.

Незнакомка застыла, как олень в свете фар. В ее глазах читалось глубочайшее смущение и что-то еще, интригующее и привлекательное.

Когда она заговорила мягким голосом, у Итана шевельнулось что-то глубоко внутри.

– Простите. Не знаю, что на меня нашло. Если честно, я обычно не дотрагиваюсь до незнакомых мужчин.

Она развернулась и хотела уйти.

Итан остановил ее, схватив за руку:

– Постойте. Не убегайте. Я даже не знаю, как вас зовут. Меня – Итан.

Она застыла и опустила взгляд на его руку, такую крупную по сравнению с ее ладонью.

– Я знаю. Итан Монклер. Я обожаю ваши романы.

Он так часто слышал эту фразу, что теперь она воспринималась словно заученная, но из уст этой женщины звучала совсем по-другому. Как молитва. Обещание.

– С кем вы здесь?

– В смысле?

Она наконец встретилась с ним взглядом, и теперь Итан мог как следует ее рассмотреть. И увиденное завораживало. Привлекательная, румяная, с рыжеватыми волосами и голубыми глазами – вероятно, ирландского происхождения. Обтягивающее черное платье подчеркивало отличную стройную фигуру, похожую на песочные часы. Девушка выглядела свежо и невинно. Словно соседская девчонка, по которой сохнешь с детства, старшая сестра твоего лучшего друга. А потом ты становишься достаточно взрослым, чтобы переспать с ней, и все меняется. Но в этой до сих пор жил какой-то дух пригорода. Наверное, стажерка.

– Я о том, с каким вы издательством.

– О, ни с каким.

– Тогда что вы здесь делаете?

– Я... – Ее манера смущенно опускать взгляд, как придворная дама, смотрящая из-под ресниц, сводила с ума, причем в лучшем смысле. Она тяжело вздохнула. – Ну ладно. Мы в одном издательстве. Но вы опережаете меня на целую вечность.

Так-так.

– Так вы не стажер?

– Я писатель.

– А имя у вас есть?

Румянец стал ярче.

– Саттон. Саттон Хили.

Определенно ирландка, хотя говорит без акцента. Видимо, второе поколение, но Итан был уверен, что ее семья приехала сюда недавно. Он слышал ее фамилию, но не собирался доставлять ей удовольствие, признаваясь в этом. Он наслаждался ее замешательством. Большинство женщин, с которыми он знакомился, тут же пытались ему угодить. Эта же была просто ошарашена и смотрела на него как на сочный стейк. Это показалось ему милым. Он думал, что это сексуально.

– Я могу вас угостить, Саттон Хили?

– Из бесплатного бара? Конечно.

Она снова коснулась его руки, на этот раз медленнее, и Итан уже знал, что будет дальше. Он отведет ее наверх, они проведут ночь вместе, он узнает Саттон Хили в библейском смысле, и они получат удовольствие от каждой минуты.

Итан услышал за спиной хриплый и насмешливый шепот Билли:

– Вот говнюк.

Итан отмахнулся от него.

Саттон Хили тоже хотела «Макаллан», поэтому Итан заказал две двойные порции. Они отошли в уголок. Он развернул Саттон лицом к залу, а сам встал спиной к толпе. Так они простояли полчаса, и никто их не прерывал. Кажется, он несколько раз провел рукой по волосам. Итан не очень хорошо понимал, зачем он это делает, но обычно это сводило женщин с ума.

Выпив два бокала, Итан признался, что слышал о ее книге.

– Исторический любовный роман, верно?

– Твой агент тайком сунул тебе записку с этими сведениями?

– Я читал.

– Ты читал любовный роман? Да ты шутишь.

– Это успокаивает. Кроме того, интересно посмотреть, как, по мнению женщин, должны вести себя герои. Это дает мне ориентиры. Мне надо отточить рыцарские навыки, особенно сейчас, когда нас заставляют проходить тренинги по чувствительности. Порой очень трудно понять, где должны проходить границы. Если бы мы вели себя с восемнадцатилетними девственницами, как ведут себя твои герои, нас упекли бы в тюрьму. Представляешь, сколько сочных новостей из этого выжала бы пресса?

– Ну и чушь ты несешь, Итан Монклер.

– Возможно. А может, я пьян. – Да, в этот момент он точно провел рукой по волосам, зная, что густые волны немного растрепались; «лохмушки», как говорила его мать. Он одарил Саттон Хили ленивой улыбкой. – А может, это ты на меня так влияешь. Кстати, о пересечении границ. Не хочешь отсюда уйти?

На секунду он заволновался: не слишком ли быстро нажал на газ? В его голосе звучало слишком много желания, но она не колебалась.

– Боже, ну конечно. Терпеть не могу такие вечеринки. Пошли?

Итан помнил каждый из пятидесяти шагов до лифта, и в венах гудело предвкушение. Он положил руку ей на поясницу – нежно, по-хозяйски – и ощутил, как точеная спина плавно переходит в упругую задницу. Итан подождал, пока закроются двери, чтобы поцеловать Саттон. Ее губы были сладкими и дымными от виски, а когда она обхватила его за шею и притянула ближе, его сердце забилось быстрее. Это было нечто большее, чем обычное возбуждение. Что-то в этой женщине буквально опьяняло. Итан понял, что надолго запомнит поездку в Нью-Йорк.

Их номера находились на одном этаже, рядом с конференц-залом. Итан свернул к своему номеру, но Саттон покачала головой.

– Мне нужно десять минут. Дай мне свой ключ.

Он вытащил пластиковую карточку, открыл дверь номера и отдал ключ Саттон.

– Только не разочаровывай меня.

Она улыбнулась, ее взгляд был слегка расфокусирован.

– Ни за что.

И она ушла по коридору. Итан походил по номеру. Почистил зубы. Раздумывая, не налить ли еще одну порцию из мини-бара, он решил, что уже и без того набрался и не скоро протрезвеет.

Верная слову, она вернулась через восемь минут. Итан не мог припомнить, когда в последний раз был так счастлив кого-либо видеть.

Она начала тереться о него как кошка. Итан быстро обнаружил, что она сняла трусики, и так возбудился от сочетания нежности и разврата, что едва успел дотащить Саттон до кровати, как оказался внутри нее.

В четыре утра, насытившийся и голый, сидя на смятых простынях в окружении клубники, шоколада и шампанского, которые ему удалось выпросить у ворчливого ночного администратора, наблюдая, как его рубашка спадает с белого веснушчатого плеча Саттон, он решил, что любит ее.

Кое-что обнаружено

Сейчас

Итан оставил виски в кабинете и, взяв со столешницы уже остывшую чашку чая, отправился в логово Саттон на другом конце дома и включил компьютер. Банковские операции она всегда совершала на компьютере, на котором хранились налоговые документы, поэтому логично, что и вся информация по финансам находилась там же. Саттон никогда не проявляла интереса к деньгам, которые приносил в семью Итан, и платила матери из собственных заработков, как он и настаивал, но прилежно следила за уплатой квартальных и ежегодных налогов.

Семейные деньги. Большую часть все равно съели покупка дома и последующий ремонт. Надо было взять ипотеку, платить миллион четыреста тысяч сразу – безумие, но Саттон не хотела влезать в долги, поэтому Итан поставил подпись и передал семейное гнездышко жене.

В то время такая крупная выплата не доставила особых хлопот. Считалось само собой разумеющимся, что он продолжит зарабатывать; долгожданный третий роман должен был выйти в июне следующего года. Но, несмотря на все усилия Итана, испытания последнего года оказались слишком тяжелыми даже для его удивительного ума; он так и не сумел довести дело до конца: невнятный финал, банальный слог – как у новичка. Не получив книгу, издатель занервничал, и контракт сорвался. Билл пытался всеми способами тянуть время, но издатель извиняющимся тоном попросил, точнее потребовал, вернуть солидный аванс в миллион долларов. Выход грандиозного романа, в котором описывалось, как фактически распался его брак, официально отменили; Итана публично унизили в отраслевых изданиях и в социальных сетях. Как оправиться от такого позора?

Но случилось кое-что гораздо худшее: Итан стал зависеть от доходов Саттон. Даже в ожидании чека с роялти приходилось урезать траты.

Он чувствовал себя никудышным мужчиной, никудышным мужем, никудышным писателем, но даже это не помогло переломить творческий кризис.

После смерти Дэшила Итан просто не мог написать ни слова. Каждый раз, когда он клал руки на клавиатуру, это оказывалось совершенно бесполезным. Бессмысленным. Слова тонули в обвинениях, в ужасе, рыданиях и криках. Он дал жизнь, и он же помог ее отнять. Ребенок полагался на их любовь и заботу, а они довели его до могилы. Как же им простить друг друга? Как двигаться дальше, забыть прошлое? Более того, как слова – ничтожные, жалкие слова – могут исцелить такую рану?

Но им нужно было чем-то питаться. А Итан не из тех, кто устраивается на работу. Семейные деньги долго не заканчивались – к небольшому, но солидному трастовому фонду он добавил внушительный аванс за дебютный роман, но когда умерли родители, возникли проблемы с недвижимостью, часть денег была связана в трасте, часть пошла на погашение накопившихся долгов, часть он вложил в дом, и остались только скромные заработки, по крайней мере пока.

А их на жизнь не хватало.

Поэтому на хлеб теперь стала зарабатывать Саттон. Именно она приносила в дом деньги.

И это поглотило все ее мысли: ей было все равно, сколько зарабатывает Итан, но своими доходами она гордилась. За завтраком она жестокосердно рассказывала об инвестициях и пенсионном плане, о том, как откладывать средства на будущее и что следует быть бережливыми.

Никакой благодарности за то, что столько лет ее содержал Итан. Никаких «спасибо, что растратил семейные деньги на покупку дома, Итан». Никаких «не волнуйся, милый, ты снова начнешь писать, я уверена».

А теперь они остались одни. Ни няни, ни ребенка. Только они вдвоем в огромном викторианском особняке, и непрерывное тук-тук-тук из ее кабинета, пока Саттон и днем и ночью изливала сердце и душу на страницы, а Итан в одиночестве страдал от творческой засухи.

Она могла работать. Могла говорить о деньгах. Тогда почему не могла поговорить с ним по душам?

Они много месяцев не разговаривали по-настоящему.

Вот стерва.

«О боже, прекрати, Итан».

Так странно было сидеть за ее столом. Там стояла наполовину полная чашка чая с налетом по краю, лежали блокноты, записные книжки и ручка – ее любимая перьевая. Итан провел по ней пальцем. Ему показалось, что перламутрово-белая ручка еще хранит крохи тепла от прикосновений Саттон. Итан предпочитал простой карандаш – прочный, надежный, в нем никогда не заканчиваются чернила, и он внезапно не выпускает на пальцы струю. Саттон смеялась над привередливостью Итана.

«Ты опять отвлекаешься».

Итану не хотелось смотреть на банковские счета, потому что они принадлежат жене, и он будет чувствовать себя униженным.

– Возьми себя в руки, придурок, – сказал он и открыл сайт банка.

У них было два счета: один для бытовых нужд, а другой – для инвестиций.

Оба, похоже, не трогали. Последние траты с простого счета были на сто двадцать четыре доллара семьдесят пять центов в супермаркете и двадцать пять – в «Старбаксе», оба в четверг на прошлой неделе. Саттон расплатилась картой за покупку продуктов. Итан предпочитал пользоваться доставкой, но Саттон нравилось ходить по магазинам. Раньше он поддразнивал ее, что она просто хочет похвастаться ребенком. Конечно, теперь это было не так. В последнее время они все больше полагались на доставку, так что Итана немного удивило, что она пошла в магазин, но ничего зловещего в этом не было.

А вот «Старбакс» – это привычная статья расходов. Итан знал, что Саттон с религиозным рвением пополняет карту раз в неделю. Он смотрел на эту запись с чувством... радости или печали? Он и сам не знал. Саттон всегда любила ходить на площадь, любила многолюдный «Старбакс», узкое помещение с длинными деревянными столами. Она ходила туда каждый день – либо с Элли и Рейчел после йоги, либо с Филли после пробежки, либо с Айви, когда та была в городе и ни с кем не встречалась утром, в общем, Саттон бывала там каждый день. Больше всего ей нравилось, что их дом расположен в центре Франклина – все, что имело для нее значение, находилось в нескольких минутах ходьбы.

Кто покупает продукты, пополняет карту «Старбакса», а потом сбегает? Какая-то бессмыслица.

Итан просмотрел записи дальше. Насколько он мог судить, за несколько дней с ежедневного счета не было необычных списаний, а в последний раз значительную сумму потратили в прошлую пятницу. Саттон для всех расходов пользовалась дебетовой картой и терпеть не могла носить с собой наличные. Итан был полной противоположностью: ему нравилось ощущать деньги на ощупь.

В какой-то степени увиденное его успокоило, но в то же время напугало. Она не сбежала, набив карманы наличными.

«Вызови полицию. Ты должен вызвать полицию. Что-то не так. Записка как будто написана под давлением».

Но другая часть сознания подсказывала: сначала собери все факты.

Он перешел к инвестиционному счету. Здесь все было устроено гораздо сложнее, со множеством субсчетов, отдельных для налогов и инвестиций, причем на последнем размещались высокодоходные акции, опционы и короткие позиции. Был даже счет с отдельным управляю-

щим, который, по сути, занимался внутрисуточной торговлей различными акциями и облигациями для их портфеля. Итан считал это пустой тратой денег и настаивал, что лучше воспользоваться услугами Айви, но Саттон уперлась. Нельзя смешивать деньги и дружбу, заявила она.

Итан продолжил листать. Баланс счета с управляющим его удивил, там оказалось гораздо больше, чем он ожидал.

Лишь через час Итан определил схему снятия денег, потому что Саттон меняла время и суммы, а также делала зашифрованные пометки в квитанциях. Но когда он все подсчитал, то обнаружил, что исчезли по меньшей мере пятьдесят тысяч долларов.

Не гигантская сумма. По правде говоря, он списал бы все на случайные траты Саттон на одежду или вещи для дома.

Но внутренний голос твердил: «Нет, дружок, тут что-то есть».

Итан распечатал лист со всеми списаниями и датами, а потом выключил компьютер. Не успел он выйти из кабинета, как зазвонил телефон.

Он посмотрел на экран. Айви.

Итан дрожащими руками схватил телефон, ткнул пальцем на кнопку «ответить» и почти крикнул:

– Есть новости о ней?

Голос Айви звучал тихо и приглушенно. На заднем плане слышался какой-то гул. Она была на конференции где-то в Техасе. Саттон тоже пригласили, как всегда; Айви считала, что в исследовательских целях полезно посещать разные места, но Саттон отказалась от этой поездки, заявив, что не в настроении путешествовать. В последнее время она вообще редко была в настроении что-то делать.

– Итан? Я тебя почти не слышу.

– Я спросил, знаешь ли ты, где она.

– Нет, не знаю. От нее ни слова, и все ее аккаунты заблокированы. У тебя по-прежнему никаких новостей? Куда она могла подеваться?

– Что значит аккаунты заблокированы?

– Похоже, она совершила суицид в соцсетях.

– Я думал, она сделала это уже давно.

– Да? Может, и так, я особо не слежу за «Фейсбуком». Куда она могла пойти?

– Я не знаю, но проверил наши банковские счета, и кое-какие деньги пропали. А еще ее записка... Айви, я не понимаю – то ли она сбежала, то ли что-то с собой сделала.

На другом конце линии послышался вздох.

– Ты позвонил в полицию?

– Нет. Ты сама прекрасно знаешь, что полиция ничего делать не будет. Еще рано.

– Итан, ты должен поговорить с полицией.

– Не пойми меня неправильно, но тебе не кажется, что сначала мне надо поговорить с адвокатом? Уверю, я не сделал ничего плохого. Мне не нужна защита. Но как только я позвоню в полицию, сама понимаешь, как все будет выглядеть.

К чести Айви, она не бросила трубку. Но ее голос стал злым и напряженным.

– Немедленно поклянись, Итан, что ничего не сделал с моей лучшей подружкой.

– Господи, Айви, конечно, я ничего такого не делал. Я люблю Саттон. Я бы никогда ее не обидел. Но я напуган, понимаешь? И в смятении. Я знаю, что подумают люди. Как только я позвоню в полицию...

Она вздохнула:

– Они подумают на тебя. Муж всегда...

– Всегда главный подозреваемый. Конечно. Но об этом я не беспокоюсь. Я не сделал ничего плохого. Клянусь. Я просто подумал, что совет адвоката не помешает.

– Полиция может посмотреть на это в другом свете. Вы ведь несколько месяцев назад ужинали с Джоэлом Робинсоном, верно?

– Он не просто юрист, Айви, а известный адвокат по уголовным делам. Мне кажется, если я обращусь к нему, это будет плохо выглядеть. Я думал о ком-нибудь попроще.

– Ты что, решил поговорить с человеком, который составлял договор на покупку дома? Послушай, ты ведь гражданин Великобритании, хотя и с двойным гражданством. И известный человек. У тебя пропала жена. Что бы ни случилось на самом деле, когда ты обратишься к полицейским, они разрушат твою жизнь. Если ты собираешься с кем-то поговорить, то лучше Робинсона не найти. Уж поверь.

– Ладно. Я ему позвоню, обещаю. Вот только...

Снова послышался какой-то нарастающий шум, а после внезапно установилась тишина.

– Прости, тут творится какое-то безумие, – раздался голос Айви. – Я немедленно возвращаюсь домой.

– Не уверен, что ты чем-то поможешь, Айви. Мне не нужна...

– Прекрати. Конечно, тебе нужна помощь. Вам обоим всегда была нужна помощь. Я буду, как только смогу. Держись, ладно?

Он ощутил почти осязаемое облегчение. В последнее время Айви гораздо лучше удавалось ладить с Саттон, чем ему. Итан закрыл глаза.

– Хорошо, – сказал он. – Надеюсь, доберешься благополучно. И спасибо, Айви.

Нож в сердце

Закончив разговор с Айви, Итан получил подтверждение своим догадкам. Саттон что-то от него скрывала. Он знал это с самого начала. Она не из тех девушек, которые раскрываются на первом свидании, рассказывая о своем прошлом и проблемах. Она не из тех, кто оглядывается назад.

Итан всегда считал, что в прошлом его жены есть какие-то тайны, особенно учитывая ее ужасные отношения с матерью. По правде говоря, он находил эти секреты довольно притягательными, во всяком случае первые несколько лет. Пару раз он спрашивал, что она скрывает, но Саттон становилась холодной и переставала с ним разговаривать. Когда Итан оставил ее в покое, она потеплела. Живи настоящим, и ледяная принцесса непременно растает, а жизнь снова станет замечательной и мирной.

Он оглянулся через плечо. Как будто она могла стоять позади и наблюдать. Все это лишь испытание, Саттон хочет узнать, как далеко он готов зайти, вторгшись в ее сокровенное, и она будет в ярости, узнав, что он копался в ее вещах.

В очередной раз. Потому что они это уже проходили.

Когда-то (да, было дело) Итан проверял историю ее браузера, пытаясь разобраться в непредсказуемой женщине, на которой женился. Ее интересы завораживали и одновременно пугали. Два года назад она две недели подряд исследовала исключительно пограничные расстройства личности. Какое-то время Итан думал, что она делает это ради персонажа, но, любопытствуя, начал посещать те же сайты, и увиденное его поразило. Она занималась этим ради себя. Искала способы справиться с болезнью.

Боже, это многое объясняло. Нарциссизм, холодность, неадекватные реакции, когда с хорошими людьми случалось что-то плохое. Она казалась совершенно бесстрастной, лишенной внутреннего стержня, с таким он никогда прежде не сталкивался. Иногда это возбуждало, но иногда пугало до глубины души.

Итан уже тогда понял, что надо поговорить с ней, отвести к психиатру, чтобы он назначил лекарства. Но разум писателя – нечто особенное. Он может создать неизвестный доселе мир из мельчайшего фрагмента реальности.

И вместо того чтобы спросить жену, чем можно помочь, он совершил огромную ошибку, изменившую всю его жизнь.

Он ухватился за суть идеи, погрузился в исследования и создал персонажа.

Первый удар, приятель.

И, конечно же, этот персонаж ожил самым потрясающим образом, учитывая, что прообраз находился на расстоянии вытянутой руки. История разворачивалась прямо на глазах, и Итан был бессилён остановить ее. Как только созданная в голове женщина ожила, Итан словно оказался в поезде, на полной скорости мчащемся к станции.

Если бы он только знал, что стоит на краю пропасти и вот-вот начнет спуск в самые темные глубины.

Он описал идею Биллу: история о матери-психопатке, изо всех сил старающейся быть нормальной, и на следующий же день Билл продал сюжет издателю за огромную сумму.

Итан попросил их быть очень осторожными, рассказывая о сделке, чтобы никто не узнал о сюжете романа. Конечно, какой-то стажер, очарованный аннотацией, не выдержал и разместил краткий обзор книги в новостях издательства. И Саттон это прочитала.

Итан считал, будто уже знает, какой холодной она может быть. Теперь же он оказался лицом к лицу с антарктическим ледником. Причем по собственной вине. Эта трещина стала началом долгого пути, быстро разрушившего их отношения. Все последующие события –

измена, смерть ребенка, отмена издания книги, исчезновение Саттон – все это произошло из-за того, что он решил поступить по-свински и нажиться за ее счет.

Странно, но они никогда не обсуждали то, о чем знали оба: Итан шпионил за ней и присвоил ее работу. Ее работу над собой. Саттон вскользь упомянула, что сменила пароли, сославшись на взлом своей электронной почты, но они оба знали, что она в ярости. В такой ярости, что даже не могла сказать об этом ему в лицо. Гнев был настолько праведным и чистым, что Итан заслужил развод.

А вместо этого она забеременела.

Ну почему он тотчас же не сказал ей правду? Может, честность и остановила бы движение к катастрофе.

«Ты сам во всем виноват, Итан».

Сидя за ее столом и погружившись в воспоминания, ему очень не хотелось подглядывать. После всего, что произошло, Итану было ужасно неловко. Он не должен так поступать. Но под предлогом подготовки к приходу полиции он начал открывать ящики.

Верхний ящик: разложенные в идеальном порядке бумага для записок и блокноты.

Второй ящик: степлер, ножницы, чековые книжки и банковские выписки.

Третий ящик: папки с текущими делами.

И одна папка из прошлого.

Она была промаркирована специальной наклейкой (Саттон во всем поддерживала порядок): «Ребенок».

Сердце сжалось от боли, Итан невольно охнул. Ребенок всегда присутствовал в его мыслях. Был шепотом на губах. Но, увидев папку, Итан понял, что именно там находится, и поднял ее осторожно, словно бомбу, которая может взорваться и разбить окна вдребезги. Он ничего не мог с собой поделать. Когда он вытащил папку из ящика, из нее выскользнуло что-то твердое и белое и упало на пол; пока он возился, все содержимое просыпалось на светлый дубовый паркет.

Назначения врача, результаты УЗИ, тест на беременность.

Господи, она хранила тест на беременность! А ведь это Итан вынудил ее завести ребенка, тем самым подорвав доверие между ними.

Саттон была права в своем молчаливом укор. Он отвратителен. Кто так поступает с женой, которую любит больше жизни?

И что вообще означает слово «любовь»?

И их стало трое

Тогда

Саттон позеленела.

Они сидели вместе за кухонным столом, и Итан наблюдал за женой, глядя поверх чашки с чаем. Подбородок Саттон и впрямь выглядел зеленым.

– Что с тобой? Ты плохо выглядишь.

Саттон бросила на него панический взгляд, жутко захрипела и вскочила из-за стола. Итан бросился вслед за ней. Она добежала до ванной комнаты в коридоре, и ее вырвало, как только она нагнулась над унитазом. Итан подхватил ее волосы и отвел их назад, поглаживая Саттон по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.